

«Я долго расспрашивала и узнала, что она не умеет рисовать, поэтому решила научиться рисовать».

Сяо Бо остолбенел, а затем продолжил смеяться: «Ты действительно кому-то завидуешь? Как ее зовут? Я хочу пойти и посмотреть, сколько у нее рук и ног».

Я посмотрела на него: «Тебе нельзя! Она нравится всем парням, которые ее видели раньше, я не позволяю тебе полюбить ее, поэтому ты не можешь ее увидеть».

Сяо Бо был поражен: «Ты действительно завидуешь ей?»

Я кивнула, а затем сказала с неизмеримой грустью: «Раньше я хотела изменить себя под нее, я ненавидела быть собой, но теперь я понимаю, что независимо от того, нравишься ты себе или нет, ты можешь быть только собой, поэтому я больше не ненавижу себя, но я все еще завидую ей. Для меня она идеальная девушка. На первый взгляд, я выгляжу так, будто мне все равно, но на самом деле, я тайно сравнивала нас и тайно усердно работала, но каждый раз, когда я чувствую, что стала чуть лучше, стала немного более выдающейся, когда я вижу ее, я сразу понимаю, что расстояние между нами все еще так велико. Я чувствую, что в этой жизни, как бы я ни старалась, я определенно не смогу догнать ее. Даже зависть к ней — это шутка, потому что зависть подходит только тем людям, между которыми нет такого большого расстояния, например, Ли Шэнь может завидовать Сяо Фэй за то, что она красивее ее, но она определенно не может пойти и позавидовать Бриджит Линь* за то, что она красивее ее. Так что, ты понимаешь? На самом деле, я даже не имею права ей завидовать». Я сделала долгий и тяжелый вздох: «Я могу только пойти и узнать её слабости, чтобы тайно придать себе немного уверенности, это лучше, чем ничего!»

*[Бриджит Линь — тайваньская актриса.]

Сяо Бо мягко сказал: «Ты — это ты, уникальная личность, нет нужды сравнивать себя с другими людьми».

Я ничего не сказала, я опустила голову, чтобы разбавить свои акварели. Он не понял бы такой зависти, когда завидуешь кому-то, желая заполучить все, что у нее есть.

На третий день Лунного Нового года я пошла нанести Учительнице Гао новогодний визит. Учительница Гао посетовала: «В прошлом году пришло еще довольно много учеников, в этом году их меньше половины. Вероятно, в следующем году будешь только ты и Чжан Цзюнь».

Она спросила о моих оценках, я честно рассказала ей об этом, и она вздохнула, улыбаясь. Она спросила меня: «Когда ты планируешь как следует заняться учебой?»

Я честно сказала: «На самом деле, у меня большой интерес к естественнонаучному направлению, и я также усердно училась, просто я недостаточно усердна, я хочу быть усерднее, но как только я начинаю играть, я не хочу учиться. Как эти хорошие ученики сопротивляются?»

Как раз когда я болтала с учительницей Гао, Чжан Цзюнь пришел, чтобы нанести свой новогодний визит. Его способ нанести новогодний визит был совершенно иным, чем мой, я пришла с пустыми руками и только принесла свой рот, тогда как он пришел с двумя руками, полными подарков, неудивительно, он же был богат.

Учительница Гао была очень рада его видеть, она впустила его, сказав: «Ты пришел как раз вовремя, Ци Ци тоже здесь».

Я встала и сказала: «Учительница Гао, я запланировала пойти в дом своего одноклассника поиграть, так что я пойду».

Учительница Гао была расстроена: «Ты не можешь остаться еще немного? Мы трое давно не общались».

Я виновато сказала: «Я запланировала встречу еще рано утром».

Чжан Цзюнь стоял в стороне с выражением безразличия и ничего не сказал. Сказав «до свидания» учительнице Гао, я вышла из ее дома.

Я медленно шла, засунув руки в карманы, и, обдуваемая холодным ветром, я пыталась проанализировать свое сердце.

Когда Чжан Цзюнь не было рядом, я продолжала думать о нем, гадать, что он делает, и с нетерпением ждать нашей случайной встречи; но как только он появляется передо мной, мне не терпится сбежать. Так хочу ли я встретиться с ним или нет?

Как же это сложно!

Я не могла это проанализировать, так что лучше бы я остановилась и вернулась к рисованию.

Сердце человека слишком сложно, нет дорог, которые могли бы привести прямо к сердцу, но рисование можно постичь с помощью усердной практики.

После Нового года у всех в карманах было довольно много денег, и температура держалась, поэтому все любили уютно устроиться и играть внутри, и бизнес караоке-бара процветал.

Все мои новогодние деньги были потрачены на мою карьеру художника. Это было и больно, и приятно, больно, потому что у меня не осталось ни копейки в карманах, что бы я ни видела, я мне оставалось только жадно смотреть на это и приятно, потому что вид рядов кистей и красок давал мне ощущение достижения.

Моя младшая сестра начала изучать музыку. В то время все родители хотели, чтобы их дети изучали какое-то искусство, но, за исключением таких семей, как семья Чэнь Цзина, немногие родители могли позволить себе уроки игры на скрипке и фортепиано, поэтому большинство предпочитали изучать клавишные, и из всего класса девочек вы не найдете многих, кто не учился бы этому. Учителя музыки, которые преподавали клавишные в свободное время, зарабатывали кучу денег.

Младшая сестра создавала шум в доме весь день, поэтому я перенесла все свои принадлежности для рисования в кабинет Сяо Бо. Мама и папа видели меня со страницами каракулей и чувствовали, что я все еще усердно учусь и нахожусь на главном пути, поэтому они были очень непринужденны со мной и продолжали относиться ко мне беззаботно.

Я была очень рада, что они использовали свободный подход ко мне, давая мне свободу продолжать тайно встречаться с этими «плохими юнцами», такими как У Цзэй. Однако иногда, когда я видела, как папа отчитывает младшую сестру за то, что она слишком ленива, чтобы заниматься на пианино, и наказывает, не давая смотреть телевизор в тот вечер, мои чувства становятся сложными, как будто я надеялась, что мама и папа придут, отчитают меня и накажут.

Сердце человека, ах, оно такое сложное!

На восьмой день Нового года я сидела на балконе на солнце и держала свою художественную доску, наблюдая за проходящими мимо людьми, делая вид, что репетирую их зарисовку, когда я увидела, как Чжан Цзюнь и его девушка вошли бок о бок.

Вскоре после этого из одной из комнат раздалась песня «Как туман, как дождь и ветер».

Для меня ты как туман, как дождь, и ветер

Приходишь и уходишь, оставляя только пустоту

Для меня ты как туман, как дождь и ветер

Позволяя моему сердцу вращаться вместе с тобой

Я нахмурилась от отвращения и собрала свою художественную доску, готовясь вернуться в комнату. Внезапно я услышала, как под музыку льются слезы. Я не могла не остановиться и тайно пойти посмотреть. Я знаю, что тайно подглядывать неправильно, но я не могла сдержаться.

Девушка плакала во время пения. Чжан Цзюнь несколько раз безуспешно пытался отобрать у нее микрофон, вместо этого ее слезы текли все быстрее и быстрее. Чжан Цзюнь отказался отбирать микрофон и бесстрастно сел. Девушка, наконец, закончила петь и заговорила с Чжан Цзюнем, плача, но Чжан Цзюнь ничего не сказал, только изредка вивал. Долгое время спустя все так и продолжалось. Я устала смотреть, разве они еще не устали?

<http://tl.rulate.ru/book/109452/4619609>